

VI. De felicitate hominis.

Студента Склабовскаго.

Homo naturaliter appetit, quidquid efficit sensiones jucundas et gratas; has ille sectatur, et omnia perquirat media semper eas procurandi; ea vero, quae sensiones molestas et ingratas excitant, perhorrescit diligenterque a se amovere studet. Complexus sensionum gratarum, quas quisque nostrum pro arbitrio sibi comparat, constituit nostram, quoad naturam sensitivam, felicitatem; causa vero et fons omnium sensionum tum jucundarum, tum molestarum est ipsa natura, aut, quod idem est, res illam constituentes, earumque in organa nostra sensoria impressiones. Sed quia natura sensibilis, etiamsi omnibus hominibus communis est, in singulos tamen diversissime agit, non omnes unis iisdemque rebus perfrui cupiunt homines, nec eodem earum usu delectantur, verum quibus unus ad delectationem suam utitur rebus, in iis ipsis alter nihil invenit, quo delectetur. Hinc et ipsam felicitatem unius hominis non unum idemque constituit, in quo et alter consistere illam existimet. Sic luxuriosus et avarus certe amant argentum, sed modus eo utendi quam maxime varius est! Item mercator et is, qui literis deditus est, lubenter suscipiunt itinera, et ambo vitam suam persaepe fluctibus committunt aliisque periculis exponunt, sed obiectum peregrinationis non idem est mercatoris ac hominis docti: mercator nempe peregrinatur, ut divitias ac naturae thesauros, qui aliis regionibus proprii sunt, exquirat ac in suam utilitatem comparet et convertat, ut inde fiat ditissimus paecuniarum; cultor autem Musarum peregrinatur, ut sphaeram cognitionum suarum, quoad perfectionem et

ingenii et animi, latius protendat. Haec differentia in rebus atque modis iis perfruendi causa est diversorum statuum inter homines, in quavis civitate viventes. Nam quisque eligit, imo cogitur eligere et sectari, vitae genus, aut occupationum sphaeram, qua magis delectatur et pro qua se habilem sentit. —

At num possumus sine omni impedimento uti ac perfrui omnibus iis, quae nobis placent et quae gratas un nobis efficiunt sensationes? — Minime. Sunt enim certi limites, quos in perfruendis rebus transgredi nunquam salva honestate licet. Quis, ex. gr., honorum et dignitatum splendore quomocunque non delectetur? Quis paupertatem, publicum contemptum ac derisum effugere et divitias, famam, aestimationem aliorum sibi conciliare non desideret? Atque hoc non solum licitum est, sed quisque bonus, tanquam primum bonum in vita civili et ornamentum pretiosum, quaerere ac tueri debet. Mediis tantum ad illud assequendum oportet uti honestis. Honor externus, fama publica, nec non ipsi inanes tituli et superiores vitae civilis ordines multum possunt conferre ad salutem tum privatam, tum publicam promovendam, et saepissime non sunt nisi aptum medium ad officia, quae a nobis tanquam hominibus et civibus praestanda sunt, facilius et perfectius exequenda; ideoque nemo vere sapiens haec praeclara publicae aestimationis signa respuit, iisque, cum adsint, uti recusat.

Negari quidem non potest, honores mutare mores; Historia tum vetus, tum recentior permulta hujus veritatis exempla nobis praebet. Sed observatum est, illorum mores praecipue mutari hominum, qui jam natura sua procliviores erant ad talem mutationem. Innumeri enim sunt homines, qui mediocri fortuna utentes, aut etiam in humillimo loco positi, quo multa ad opportunitates vitae nostrae pertinentia desunt, a virtute declinant et transcurrunt ad vitia; — hi in illo positi statu, quo summis honoribus se functos et in amplissimo nobilitatis gradu collocatos vident, certe non absque difficultate morum

integritatem et bonam conscientiam conservare possunt, praesertim si divitias et prosperos rerum omnium successus comites habent. Tales homines in altiore honoris gradum eveci, non modestiores, sed arrogantiores fiunt, et proclives ad mala mentes eorum ad majora etiam flagitia ac scelera inflammantur: quando quidem novae dignitates, honores et abundantia divitiarum largiorem peccandi materiam et amplissimam male agendi sphaeram ipsis praebent. Major dignitas majorem ad agendum affert homini libertatem; malus ergo quo majorem agendi libertatem habet, eo proclivior fit ad malas actiones. Hae dignitates ejus faciunt, quod multi malas ipsius actiones videntes, sed potestati ejus subditi, formidine ejus erga se malevolentiae, nunquam audeant illum in male agendo impedire. Superioris autem status homines, respicientes ejus externas dignitates, nihil saepe praeter aspera quaedam verba inferre ipsi volunt, quae in depravato ejus animo nullius efficaciae esse solent; adeoque nec veritatis amore, nec formidine paenae a malitia retinetur talis homo; cum e contrario homines humilioris status, qui nullam in sua conditione spem ponunt, ab omnibus iis, ex quibus mala consecutaria ipsis oriri possint, declinare conentur, et, si non ex amore virtutis, certe formidine paenae malas actiones fugiunt. Terror legum maximam in eos exerit vim, ita quidem, ut, nisi hic terror in eorum voluntatem influeret, a male aliis inferendo, proprio sensu ducti, non absterrentur. Hinc licet animo mali sint, tamen, metu impulsus, idem faciunt, quod boni viri; in animis autem eorum, qui honoribus ornati sunt et magna divitiarum copia abundant, terror hic imminui solet; in multis enim casibus propter suam potentiam et divitiarum copiam, propter honores et dignitatum externarum splendorem, leges impune, imo cum aliquibus suppositis, certe imaginariis, emolumentis violent.

Honores et divitiarum copia non raro id efficere solent, ut mores proborum hominum mutantur. Essentia enim cujusque hominis constat duabus naturis directe oppositis, natura scilicet animali et natura rationali. Incitamenta naturae animalis ita influunt in voluntatem hominis, ut plus sensibilitati, quam rationi obsequatur. Hinc et optimi quique homines non raro illecebris sensuum plus justo afficiuntur, et in periculo sunt, ne ad actiones, securitati aliorum hominum contrarias, seducantur. Sic erant multi omnibus seculis et in omnibus fere civitatibus magni viri, peritissimi belli, fortes manu et animo maximo, qui, priusquam facti essent gloriosissimi ac maxime fortunati, modestos et graves se praebebant, rebus fere in omnibus mediocritatem sectabantur, et caeteris magnis ac multis tum militaribus, tum civilibus gaudebant virtutibus. Postquam vero, suffragante fortuna, res maximas consecuti essent, rebus secundis et ad voluntatem fluentibus, summis honoribus, prospera fortuna, valetudine commoda, secundisque ventis ita mutabantur, ut ex modestis insolennes, ex placidis iracundi, ex benignis duri, ex mitibus crudeles, ex humanis superbi efficerentur. Talis ex gr. fuit Alexander, gloriosissimus Macaediae rex; talis fuit Silla, Reipublicae Romanae flagellum, et complures alii in statu militari, civili et Ecclesiastico.

Atque haec omnia praebent nobis solummodo exemplam abusus honorum ac dignitatum, nec non debilitatis hominum, qui nec dum satis eruditi sunt, ideoque nec possunt, nec sciunt quidem uti mediis ad morum integritatem in omnibus vitae circumstantiis conservandam. Cupiditas honoris, dignitatis, divitiarum, et inde profluentes voluptates, omnibus hominibus propriae sunt, et qui non curat, ut ab aliis aestimetur, aliquod animi non bene ordinati signum ostendit. Contemnens publicam famam contemnit concives suos, ideoque indignam homine superbiam praesefert, et hanc obrem dignum se ipsum

contemptu omnium entium, ratione gaudendum, facit. Dubium non est, verum honorem et dignitatem hominis in conscientia recta, pura et in sensu interno propriae excellentiae consistere; nemo tamen bonus et sapiens studium externi honoris, propter ejus utilitatem et aptitudinem, uti jam dictum est, ad homines ex aliqua parte feliciores reddendos, negare potest. Id tantum cavendum, ne signis honoris hujus externi unquam tribnatur majus pretium, quam quod merentur. Nomen variis titulis et vestis splendidis ordinibus ornata, nec non copia divitiarum et suffragans in omnibus fortuna nullam in animis nostris superbiam parere debent, — superbiam, dico, quae una omnes, quibus ornemur, perfectiones tum internas, tum externas obumbrat, juxta hos versiculos:

Si tibi copia, si sapientia formaque detur,
Destruit omnia sola superbia, si comitetur.

Ex hucusque dictis fit perspicuum, in sectandis, perfrendisque rebus id solummodo licitum esse, quod salva aliorum felicitate comparare nobis possimus, et quod nunquam comitatur pudor, contemptus sui, nec non remorsus conscientiae. Dignitas hominis et finis absolutus postulat, ut omnes actiones nostras, solo amore et aestimatione officii stimulati, instituiamus, nullaque vi illecebrarum ad omnia, quae aliis pertinent, bona vel a natura data, vel propria industria acquisita, violanda impelli nos patiamur. Hinc in omnibus, quibus vel nostra, vel amicorum, vel patriae, aut totius generis humani salus promovetur, dignos nos eo statu, quo natura nos ornavit, *homine* scilicet, tanquam supremo totius mundi spectabilis opifice et rege, praebere debemus, ideoque nihil cogitemus, nihil agamus, nisi quod justum honestumque perspexerimus, et quod omnes homines rationem sequentes approbare possint. — Sed ad hunc perfectionis gradum evehi non possumus, nisi prius naturae animalis feroces impetus et perni-

ciosos virtutis vi et amore compescamus. Obsequentes virtutis et rationis legibus ediscimus, vitam physicam, utut abundans sit omnibus, quibus utitur et perfruitur, bonis terrestribus, nullum pretium ac meritum habere, nisi simul per illam vita caelestis ac divina exprimatur; ediscimus, omnes, quae appetitum in nobis excitant, svavitates mundi non constituere veram hominis felicitatem. Sicuti medicamentum non est ipsa salus aegrotantibus, sed tantummodo medium ad salutem eorum restituendam: pari modo et res sensationem jucundam in nobis excitantes sunt quasi signa, per quae vera felicitas nostra patefieri debeat, sunt flores, quibus virtus ornari potest, quique odore suo captis sensibus animum ad illam amandam trahant. Fragilitas naturae nostrae causa est, quod per libertatem nostram persaepe utamur iis rebus, quae nobis magis arriident, sed quas eligere non decet, et ad illas inclinamus actiones, quas exsequi nobis facilius et commodius est. Ita *Ovidius*: *Aliudque cupido, mens aliud svadet; video meliora, proboque, deteriora sequor*. Facilius enim est id, quod verum et honestum est, perspicere, quam illud exequi. Hinc nec optimi quidem homines perfecta et stabili pace frui possunt, sed semper in quodam periculoso inter ordinatos et inordinatos affectus, inter sensualitatem et spiritualitatem versantur certamine; ac in hoc quidem certamine ostendunt omnem suam dignitatem, ediscuntque semet ipsos gloriosissime vincere, et hoc modo ad summam, veram, ac immutabilem felicitatem suam provehuntur; nam virtus est vera felicitas hominis. Ipsa bona terrestria non raro illam comitantur; praeter tranquillitatem enim animi, qua omnes virtutis cultores fruuntur, plurima etiam vitae hujus commoda virtus confert; opes, gloria, honores, dignitates, ut umbra, illam sequuntur. Opes, quia homo virtutem amans mediis ad illas comparandas utitur honestis, et quoniam non solum a quocunque malo aliis inferendo abstinet, sed illos omnibus

modis adjuvat, omnesque vires suas et facultates, quin ipsam vitam, si necessitas postulet, aliorum saluti devovet; hinc nihil detrimenti ab aliis patitur; — gloria et honor, quia actiones honestae nunquam ignotae aliis esse possunt, et quia perfectiones, ad bonum aliorum adhibendae omnium etiam sceleratorum hominum reverentiam erga se excitant; — dignitas, quia nemo, nisi vir honestus, ad publica munera obeunda semper eligi solet. Omnes itaque jucunditates vitae, cum virtutis et rationis legibus consentaneae, sunt virtutis consecraria necessaria.

Verum quidem est, non raro contingere, ut virtutis cultores maximas calamitates in hac vita subient, per totumque vitae cursum cum periculis conflictentur. Sed ejusmodi homines, conscii sibi innocentiae suae, omnes affectiones atque calamitates aequo animo ferunt, et, confitentes immortalitatem, svavissima spe fruuntur, post abitum ex hac vita actionum suarum dignum se praemium accepturos; hac quidem spe et persvasione immortalitatis, quasi quibusdam armis omnipotentiae, instructus homo tota natura superior est. In illum nec terrores vitae physicae, nec omnes blanditiae, ubique inter homines diffusae, nec spes et metus, nec gratia et odium, nec honor et dedecus, nec ipse vitae amor et mortis horror quidquam efficere possunt. In omnibus his vir bonus, quasi praerupta rupes, in quam procellae et horribiles fluctus maris cum irrita labore insiliunt, perfecta statione dominatur, —

. . . . Si fractus illabatur orbis,

Impavidum ferient ruinae.

Horatius Lib. III. Od. III.

Sed ut ad hunc sublimiorem perfectionis nostrae gradum pervenire possimus, scienda sunt media, quorum ope facilius et commodius eum assequamur. Ex dictis jam patet, hominem, ut sit vere felix, oportere quidem esse bonum, pruden-

tem, religiosum, — oportere effugere omne vitium et toto animo ac corde virtutem diligere, — abstinere ab omnium quoad semet ipsum, tum quoad caeteros homines, malo, et solummodo bonum et rectum sectari. At quomodo omnia haec facere possumus, nisi prius, quid vitium et quid virtus, quid malum et bonum rectumque sit, cognoscamus? Cognoscere autem haec facile quisque potest, cum in Philosophia, in Religione et in literis humanioribus satis instruatnr. Nam studia haec in omnibus vitae nostrae circumstantiis permultum nobis prosunt, magnumque ac potius unicum praesidium et adjumentum in discernendo vero et bono a falso et malo nobis praestant; ab his enim dependet cultura et animi et cordis nostri, a cultura vero animi cordisque penitus dependet perfectio voluntatis, quae cum omnium malorum in pravis cupiditatibus, quas voluntarie fovemus, tum omnis bonitatis et radix est, et fons et principium. In bona solummodo voluntate vera integritas hominis, uti in mala omnis pravitas et corruptio conspicitur.

Hinc evidentissime elucet, educationem, institutionemque bonam, tanquam unicum medium ad evolvendas perficiendasque corporis et animi dotes maxime nobis utilem, imo necessariam esse. Omnis itaque cura omnisque labor cujuscunque hominis potissimum eo impendi debet, ut addiscat literas, et hoc modo magis magisque perficiat se tum quoad animum, tum quoad cor. Interim tamen praecipuum ejus obiectum sit *studium pulchri*, quod medium inter veritatem et virtutem occupat locum, quodque cum omni veritate, honestate et justitia tam arcto est in nexu, ut homo, sensu pulchri excitatus, tanto amore inflammetur ad omne id, quod verum, bonum, honestumque est, ut in eorum studio omnem suam dignitatem, felicitatem, supremumque bonum consistere credat, — ideoque nihil cogitare, nihil conspicerere, nihil facere velit, nisi quod verum sit, pulchrum et honestum, et quod perfec-

tam exprimat harmoniam. Et quia in hoc statu perfecta dominatur libertas et gaudium, ideoque homo, liber ab omnibus inordinatarum affectionum vinculis, vita et dignissime et jucundissime perfruitur. Solo itaque pulchritudinis studio provehimur ad supremum, quod in veritatis virtutisque possessione consistit, bonum, et efficimur, quantum in hac vita terrestri possibile est, beati; nam pulchritudo simul et sensibilem naturam et rationalem afficit, et intimo quodam connubio jungit.

Homo, in quo vera pulchritudo nec scintillam quandam voluptatis eliciat, est sine dubio plus brutum, quam homo. Frustra natura infinitam rerum varietatem ac thesauros splendidissimos ejus oculis exhibet; in admirabili ejus abundantia nihil nisi propriam penuriam conspicit; nihil videtur illi existere, nisi quod illi existentiam impertitur, quodque sensus ejus externos maxime ferit; quaelibet mutatio rerum visibilium illi est nova prorsus et insolita creatio, quia nullum habet conceptum ordinis nexusque rerum Universum constituentium et infinite variantium, — in qua admirabili rerum variatione leges perfectae harmoniae conspiciuntur. In hac Epocha homo, inscius dignitatis suae, dignitatis scilicet humanae, et violentis effrenibusque cupiditatibus continuo agitatus, errat per anfractus vitae tenebrosissimae, et est certe miserrimus; quia nullibi quietem et veram consolationem invenire potest, — est caecus, quia in infinita rerum pulcherrimarum multitudine nullam fere videt, ideoque nec delectari ea potest.

Perspicuum itaque est, studium pulchri persalubri ac efficacissima quoque ad culturam animi cordisque vi influere, ita quidem, ut sine illo nullum progressum in veritate et virtute facere possimus; e contrario pulchritudinis species ipsi veritati sublimissimae ac virtuti severissimae faciem gratiosam et amabilem induit, omnibusque actionibus nostris ornamentum quoddam aspergit.

Vivat itaque ALEXANDER benedictus, IMPERATOR noster Augustissimus, pacificator, et pretiosissimae sanctissimaeque libertatis tam multarum gentium ac Nationum Restaurator, Musarum et ipse amicus, et fautor singularis eorum, qui ardentissime eas amant et in sacro earum templo quotidie sacrificant, — IMPERATOR, dico, qui *studium pulchri*, quod potissimum circa elegantiores literas artes quae versatur, propositis praemiis excitare et promovere magnae sibi gloriae ducit! — Vivat Rossia, patria tot praeclarorum heroum ac eruditissimorum virorum, nec non Poëtarum, qui verum constituunt ornamentum Parnassi Musarum Septentrionalium! Vivant omnes Rossi, fortissima et simul humanissima gens, cujus utrum humanitas et fortitudo bellica, an ardentissima cupiditas et laudabilis impetus ad perficiendas ingenii cordisque sui dotes et indefessum studium pulchri majorem mereantur admirationem, nunc sane incertum est!

VII. Пѣвецъ Творца.

Студента Александра Склабовскаго.

Мракъ ночи на скалахъ рѣдѣеть;
Зарница на небѣ горитъ;
Передразсвѣтный вѣтеръ вѣетъ,
Колелесть листь, потокъ струитъ;
Чуть брежжетъ свѣтъ отъ звѣздъ далѣкихъ;
Луна посмеркла — и въ глубокихъ
Долинахъ тѣни улеглись;
И край небесъ, и доль съ холмами,
Покрывшись золота струями,
Пурпуровымъ огнемъ зажглись . . .

Вдали — на холмѣ возвышенномъ,
Облитомъ пламенной зарей,
Сидѣлъ въ безмолвіи священномъ
Природы сынъ — Пѣвецъ молодой, —
И ясны, чувства полны, взоры
На токъ, на лугъ, на лѣсъ, на горы
Предъ нимъ горящи устремлялъ.
Вздохнувъ, онъ въ думу погрузился . . .
Вдругъ взоръ его воспламенился! . . .
Пѣвецъ поспѣшно лиру взялъ.

Припронулся къ струнамъ перстами —
И рокошъ вдругъ и звонъ отъ нихъ
Съ холма понесся вѣтерками . . .
Пѣвецъ поетъ; но голосъ тихъ
И выраженья чувствъ несмѣлы . . .

Такъ пѣсни юной Филомелы,
При встрѣчѣ первая весны,
Приятны, нѣжны, слуху милы,
Но робки — прелей звучныхъ силы,
Порывовъ смѣлыхъ лишены.

„О сколь спасительно цѣленье
Льешь въ грудь, стѣсненную тоской,
Твое, Природа, пробужденіе!
Кто столько охладѣлъ душой,
Кто столько въ сердцѣ развратился,
Иль въ духѣ столь ожесточился
Гонимымъ рока и людей,
Чтобъ утра юнаго сіянье,
Травъ свѣжесть, розъ благоуханье,
И колебаніе вѣтвей —

„И межъ листовъ ихъ тихой шопотъ
Порхающаго вѣтерка,
И межъ цвѣтовъ чуть слышный ропотъ
Капющагося ручейка, —
И свѣта съ тѣнью слѣянье,
Прохлада — все очарованье
Прекрасныхъ Майскихъ вечеровъ —
Не усладило въ немъ мученья,
Не истребило въ немъ сомнѣнья,
Что существуетъ Богъ боговъ? . . .

„Есть Богъ — въ томъ сердце увѣряешь
Меня бѣнящимъ своимъ;
Есть Богъ — Природы гласъ вѣщаетъ, —
Въ ней все живетъ, все дышетъ Имъ!
Повѣсть ли зефиръ прохладный,
Влечешь ли солнца лучъ оспрадный

Небесъ съ лазурной высоты
И доль покроетъ шонкимъ златомъ,
И воздухъ чистымъ ароматомъ
Наполнятъ травки и цвѣты;

„Раздастся ли перунъ гремѣщій
Изъ облакъ надъ моей главой;
Польется ль дождь изъ тучъ шумящій
И наводнитъ поля собой;
Заснонутъ ли лѣса дремучи,
Листъ клубомъ, прахъ, песокъ зыбучій
Съ холмовъ и съ поля полетитъ;
Вихрь облака взволнуетъ, воды —
Весь ужась, всѣ красы природы —
Все, все о Богѣ мнѣ гласитъ!

„Ктожь Богъ сей? — Ты, непостижимый!
Ты, воли дѣйствиємъ своей
Все сотворившій Духъ, — не зримый
Для бранныхъ смертнаго очей,
Умомъ кичливыхъ необъятный,
Но сердцу чистому понятный!
Оно во всей природѣ гласъ
Твоей съ тайнымъ шепетомъ внимаетъ,
И ошь любви истаиваетъ
Къ Тебѣ, восшорга въ сладкой часъ. . .

„Воззрюль на небо — шамъ сѣянье
Отъ блеска солнца, звѣздъ, плаветъ;
На землю — тихихъ водъ сверканье;
Лугъ, поле, холмы — все цвѣтеть —
И все, мой Богъ, Тебѣ покорно! . .
Ты солнцу рекъ: огнь живошворной
Питая, землю согрѣвай,
Доль украшай травой, цвѣтами,

6

Древа — корой, листомъ, плодами,
Изъ мрака ясный день раждай!

„Лунѣ задумчивой, смиренной: —
Не ошдаляйся отъ земли;
Будь ей подругой неизмѣнной
И въ ночь свѣшъ солнца замѣни!
Звѣздамъ: — сводъ неба украшайте;
Съ его лазурью свой сливайше
Дрожащій свѣшъ; съ лунной ночныхъ
Вы мраковъ будыте освѣщенъемъ! —
Творецъ! сбылось Твое велѣнье:
Явилось все отъ словъ Твоихъ! . . .

„Отъ мха до кедровъ возвышенныхъ,
Отъ мягкой пыли до кремня,
Отъ мошекъ, зрѣную непримѣнныхъ
До птицъ, звѣрей и до *меня* —
Все, Мощный! создалъ самъ собою . . .
Чтожь крѣпость крѣпкихъ предъ Тобою?
Перунъ Твой съ неба полетитъ —
И силы сильныхъ истребятся,
Мечи ихъ, стрѣлы сокрушатся,
Въ прахъ распадется шлемъ и щитъ!

„Возришь — хребты воспламятся
Несомыхъ вѣтромъ облаковъ;
Речешъ — швердыни раздробятся
Гранитныхъ скалъ отъ мощныхъ словъ;
Дохнешъ — и воды изгибаея,
Съ стenanъемъ, съ ревомъ ударяея
О крѣпкой брегъ сѣдой волной,
Грозашъ разрушитъ всѣ преграды,
На села успремиться, грады —
И поглотитъ весь шаръ земной! . .

„Велишь — смирятся волны яры;
Потухнуть молніи; громовъ
Умолкнуть, онѣмѣвъ, удары;
Утихнутъ свисты, вой вѣтровъ;
Проглянетъ солнце — и творенья
Въ восторгѣ пѣснь благодаренья
Тебѣ, Природы Царь, поюшъ. . .
Лучами травки озаренны
Подъемятъ стебли преклоненны;
Въ цвѣтъ впившись пчелки медъ сосудъ.

„О духъ всемогущій — жизнь вселенной!
Чтожъ предъ Тобою человѣкъ —
Сей прахъ, Тобой одушевленной? . .
Въ слезахъ начавши крапкой вѣкъ,
Влачитъ его въ шокѣ, въ страданьи,
Дней лучшихъ въ щетномъ ожиданьи . . .
Въ болѣзни встрѣтитъ свой конецъ;
Заснешъ — и въ гробѣ все забудешъ,
И самъ забвенъ живыми будетъ . . .
Чтожъ значить наша жизнь, Творецъ? . . .

„Смотрю съ поскою на мѣръ швой красный
И зрю: невинность слезы льетъ,
И въ торжествѣ развратъ ужасный!
Тамъ ядъ Сократъ въ темницѣ пьетъ;
Сынъ истины на смерть влечется,
Неисовство, какъ вихрь, несется —
Царь добрый съ Трона палъ во прахъ!
Въ вѣнцахъ Кромвель, Наполеоны! . .
Тамъ брызжешь кровь, тамъ слезы, стоны . . .
Гдѣжъ мечь, награда? — въ небесахъ!

„За рубежемъ сей жизни брэнной,
Въ дали, таинственной для насъ,

Въ странѣ безсмертія священной —
Все скрытое отъ нашихъ глазъ,
Чего умомъ не постигаемъ,
И въ буйствѣ отвергать дерзаемъ,
Чего не въ силахъ доказать
Все остроумія искусство,
Но что простое сердце, чувство
Удобно можешь понимать —

„Все, все откроется предъ нами! . .
Тиранъ, закланныхъ жертвъ шобой
Омытый кровью и слезами!
Внимай . . . бьешь часъ послѣдній твой!
Взгляни . . . отверсты гробъ, могила! , .
А тамъ . . . о! никакая сила
Не защититъ — тамъ казнь твоя! . .
Несчастный, рокомъ угнѣщенный,
Утѣшься! скорби здѣсь мгновенны, —
А тамъ — награда ждетъ тебя!

„И что намъ въ жизни сей мятежной,
Гдѣ радость, счастье — лживый сонъ? . .
И я, мечтою обольщенной,
Надежды сладкой въ сердцѣ полнъ,
Летѣлъ за призракомъ блестящимъ,
Съ улыбкой нѣжною манящимъ
Меня въ даль свѣшлу за собой, —
Летѣлъ — но призракъ вдругъ сокрылся;
Надежды лучъ въ душѣ запылся —
И я — одинъ съ моей шоской! . .

„Одинъ? нѣтъ, Ты со мной, Хранитель!
Твой перстъ мнѣ кажетъ вѣрный путь
Покою, тишины въ обитель;
Тамъ сердце можешь отдохнуть

Отъ горестей, заботъ, терзаній
И отъ несбывшихся желаній. . .
Враговъ тамъ добрый не найдешь;
Не слышенъ тамъ языкъ приворства,
Нѣтъ хитросей, нѣтъ вѣроломства, —
Тамъ Дружба, тамъ Любовь, живетъ!

„Безвѣстно, скоро ли желанной
Пробьетъ часъ смерти надо мной,
И странника въ обѣшанной
Переселишь предѣлъ святой.
Что мнѣ сулишь въ сей жизни брэнной
Грядущее, тьмой покровенно —
Тоску, иль радость. . . Жребій мой
Тебѣ, Всевышній! поручаю;
Съ довѣренностью ожидаю,
Что мнѣ готовишь промыслъ Твой! . . .“

Умолкъ Пѣвецъ — и надъ холмами
Пылающее солнце зрѣть;
Злапо-огнистыми лучами
Весь доль и неба сводъ покрыть;
Съ озеръ, съ полей, съ луговъ душистыхъ
Поднялся дымъ въ кругахъ волнистыхъ,
И озлащился по краямъ;
Зрѣть въ блескѣ розовомъ кристалльны
Струи ручьевъ — и въ хоръ слѣяны
Пѣщи пѣсни внемлетъ по лѣсамъ.

„Творецъ! творенья пробужденны
Къ Тебѣ возносятъ голосъ свой;
Курился еиміамъ, возженный
Рукой природы, предъ Тобой. . .
Какъ благовоніе приятно!
Какъ сердцу пѣніе понятно!

Все, все благодарить Тебя:
И птички въ рощахъ щебетаньемъ,
Листочки тихимъ трепетаньемъ,
Журчаньемъ струи ручья. . .

„И я дерзнулъ, о Царь вселенны!
Тебя въ семь хорѣ воспѣвать;
Красой творенья восхищенный
Какъ могъ Творца не прославлять?
Всесильный! не отринь моленій:
Храни меня отъ преткновеній
На скользскомъ жизни сей пути!
Будь въ лютой скорби утѣшитель!
Будь къ истинѣ путеvodитель
И мракъ душевный освѣти!

„Храни отечество драгое,
Гдѣ свѣтъ я въ первой разѣ узрѣлъ,
Гдѣ росъ, гдѣ дѣтство золотое
Безпечно въ тишинѣ провелъ,
Гдѣ свѣтомъ Вѣры озарился,
Гдѣ съ Музой, съ лирою сдружился!
Храни Отечества Отца,
Благословеннаго сынами,
Царя, безсмертнаго дѣлами,
Всеобщей тишины творца!

„Храни мнѣ давшихъ жизнь мгновенну,
Имъ въ слабости подпорой будь!
И благодѣтелей, священну
Любовь мнѣ, благодарностъ въ грудь
Къ Тебѣ, къ Царю, къ Отчизнѣ влившихъ,
Своимъ примѣромъ научившихъ
Фортуны прелестъ презирашь,
Злостъ рока побѣждашь шерпнѣемъ,

И мстишь врагамъ благотвореньемъ,
И въ чистомъ сердцѣ благъ искать!

„Храни друзей, для сердца милыхъ,
Мнѣ данныхъ въ спутники Тобой!
Ахъ! ктобъ слабѣющія силы
Могъ подкрѣпить, и съ злой судьбой
Кто бъ былъ мнѣ Геній примиритель,
Чувствъ сердца, совѣсти блюститель,
Дѣяній, мыслей судія,
Когдабъ не вы друзья безцѣнны? . .
Гдѣ бъ ни былъ — вами окруженный,
Счастливымъ буду звать себя! —

„Въ прохладные часы вечерни,
Когда горитъ закатъ, зарей
Подернутый, и влажны тѣни
Съ небесъ покрытыхъ свѣтлой мглой,
Сойдутъ на лугъ, на поле, воды, —
И при безмолвіи Природы —
Въ минуты полночи глухой, —
Въ часъ радости, и въ часъ томленья
Моя будь Пѣснь благодаренья,
Какъ дымъ кадила, предъ Тобой “ . . .

Такъ, утра свѣжестью плѣненной,
Пѣвецъ въ восторгѣ сердца пѣлъ
Величіе Творца вселенной!
Уже надъ бѣднымъ тяготѣлъ
Часъ въ міръ безвѣстный преселенья! . .
Онъ встрѣтилъ безъ тоски, томленья
Давно желанный имъ конецъ.
Рукой сжавъ хладной другу руку,
И взоромъ долгую разлуку
Изобразивъ, заснулъ Пѣвецъ! . .

И тихъ его сонъ непробудный —
Ни что его не возмутить!
Пусть вѣтеръ надъ могилой бурный
Порой подѣмлетъ, шумить;
Пусть молнія надъ ней сверкаетъ,
Громъ въ ель печальну ударяетъ,
Склонившусь въ дремотѣ на прахъ,
Подъ дикимъ камнемъ сокровенный, —
Міръ не нарушится священный
Уснувшихъ сладко во гробахъ! . . .

Вдали на холмѣ — надъ рѣкою —
Гдѣ пѣлъ Творца пѣвецъ молодой,
Крестъ видѣнь межъ правой густою
И камень съ надписью простой —
Онъ перстъ священну покрываетъ —
Прохожій видитъ и читаетъ:
„Здѣсь юнаго пѣвца сокрытъ
„Прахъ милый дружества рукою;
„Прохожій! ороси слезою! . .
„Тебѣ тажъ участь предлежишь!“ . . .

Такъ! раноль, поздоль — непременно
Всѣмъ придетъ время умирать!
Блаженъ, кто въ жизни сей мгновенной
Могъ съ другомъ сердце раздѣлять!
Средь мертвой тишины могилы
Онъ будетъ не одинъ: другъ милый
Вечерней, тихою порой,
Иль въ ночь, — какъ окрестъ все въ молчаньи —
Придетъ при мѣсячномъ мерцаньи
Бесѣдовать съ его душой. . ,

Въ уныньи руку положивши
На камень мшистой, гробовой

И къ ней главу свою склонивши,
Все оживитъ онъ предъ собой:
Прахъ дышетъ. . . подъ рукою, мнитсѣ,
Тихонько камень шевелитсѣ. . .
И легкой тѣнью другъ ленитъ
Предъ нимъ съ улыбкою веселѣ,
Какъ Ангелъ — вѣстникъ воскресенѣ, —
И въ даль его съ собой манитъ! . . .

VIII. Подражаніе Псалму 18-му.

Студента Шкляревича.

Намъ твердь небесная вѣщаетъ
Могущество и власть Того,
Кто все собою сохраняетъ,
Кто создалъ міръ изъ ничего,
Кто непремѣнными берегами
Морскія бездны оградилъ,
И имъ свирѣпыми волнами
Спремиться далѣ запретилъ.

* * *

Весь свѣтъ есть рукъ Его творенье —
Онъ все покоитъ и живитъ, —
День дню Его благотворенье
И ночи ночь о Немъ гласитъ.
Сей гласъ, природы гласъ священный,
Творецъ! знакъ мудрости Твоей,
Сей чинъ натуры неизмѣнный,
Быть долженъ внятенъ для людей.

* * *

Всемощною своею силой,
Средь множества другихъ свѣшилъ,
Дня благотворное свѣсило
Всевышній солнце утвердилъ.
Онъ рекъ: отъ края въ край вселенны
По сводамъ небо прошекай,
И тварямъ Мною сотвореннымъ
Свѣшъ живошворный проливай.

* * *

Онъ рекъ — и внявъ Его велѣнье
Свѣтило лучезарно дня
Взойдетъ, — вдругъ при его явленѣхъ
Природа воспрянувъ опъ сна,
Изъ мрака ночи воскресаетъ —
Оно, какъ Исполинъ, идетъ,
Всю поднебесну облакаетъ,
И жизнь всему творенью льетъ.

* * *

Творецъ всесильный смертныхъ рода!
О ты, что выше свѣтлыхъ звѣздъ,
Лазурнаго превыше свода,
Въ святомъ чертогѣ райскихъ мѣстъ
Опъ вѣкъ незримъ обитаешь —
Мы всѣ Тобой сотворены,
Ты всѣмъ намъ благость проливаешь,
О Боже! мы Твои сыны!

* * *

Услышь, услышь мое моленье,
И ухо долу преклони —
Мракъ сердца моего, сомнѣнье,
Небеснымъ свѣтомъ разгони;
Влей въ душу вѣры огнь священный,
Внуши мнѣ Твой законъ святой,
И духъ спрасями помраченный
Очисти, Боже — успокой.

* * *

И кто возмогъ, не озаренный
Небесной благостью Твоей,
Познать пороки сокровенны
Во глубинѣ души своей:
Кто могъ изъ смертныхъ самъ собою
На добродѣтели пуши,

Всегда безтрепетной стопою,
Не совращаяся ишши.

* * *

О! если внявъ мое моленье,
Мой духъ Ты въ вѣрѣ укрѣпишь,
Мракъ сердца, и души сомнѣнье
Небеснымъ свѣтомъ озаришь;
Тогда враги мои смутятся,
И я прославлюся Тобой —
Тогда строптивы вразумятся:
Что мой Творецъ — Спаситель мой.

IX. Е л е г і я.

Старецъ надъ могилою.

Студента Дыздарева.

Уже власы мои покрылись бѣлизною,
Согбенъ я, и дрожу — едва держусь клюкою;
Ни прежней бодрости, ни силъ во мнѣ ужъ нѣтъ,
Померкъ отъ старости въ глазахъ моихъ и свѣтъ;
Ни видѣть не могу, ни слышать я ни мало,
Совсѣмъ охоты жить во мнѣ уже не спало.
Страдая завсегда, я прожилъ цѣлой вѣкъ,
Нешасненъ былъ во всемъ и жалкой человекъ,
Всю жизнь я не обрѣлъ въ душѣ своей покоя,
Гоняясь за мечтой и замыслы въ ней строя,
Съ поскою наконецъ ко гробу лишь пришелъ
И вотъ гдѣ щасіе я все свое нашелъ!
Съ поскою отъиду въ глубокую могилу,
Пріймиже другъ скорбй мою ты старость хилу!
Не съ этимъ я пришелъ предъ смертію къ тебѣ,
Чтобъ съ завистью привести на память все себѣ,
Что въ мѣрѣ слабыя сердца людей прельщаетъ
И свѣтъ оставитъ сей ихъ много устрашаетъ,
Но чтобы шагъ земли мнѣ потъ безцѣнной зрѣть,
Въ которомъ буду я убѣжище имѣть,
Отъ всѣхъ гоненій злыхъ, отъ лютаго коварства,
Отъ замысловъ своихъ и отъ тѣлесна рабства,
Въ которомъ буду я имѣть тому предѣлъ,
Чему всю жизнь мою ни гдѣ я не имѣлъ:

Предѣлъ желаньямъ всѣмъ и всѣмъ страстей вол-
 неньямъ,
 Предѣлъ всѣмъ суешамъ и всѣмъ души мученьямъ. —
 Несчастный плѣнникъ такъ цѣпями обремененъ,
 Отъ странъ отечества врагами удаленъ,
 Въ неволѣ тягостной и день и ночь страдаешь
 И пищу скудную слезами омываетъ;
 По долгомъ времени бѣжавши наконецъ
 Съ растерзанной душой, — сей спраждущій бѣглець
 Въ отечествѣ своемъ приемлетъ утѣшенье,
 Вкушаетъ навсегда прошедшему забвенье. —
 Я прожилъ много лѣтъ но поздно ужъ узналъ,
 Что суеты пустой я съ жадностью искалъ.
 Въ желаніяхъ своихъ чѣмъ больше былъ несчастенъ
 Тѣмъ больше духъ во мнѣ воспламенялся спрасненъ,
 И никогда не могъ успѣха получитьъ;
 Лишь только бѣдствія не преставаля влачить
 На бѣдную главу безъ всякаго защиты,
 Слезами будучи и потомъ весь покрытый.
 Лишь чуть родители меня произвели
 Въ сырую землю вдругъ, и въ гробъ одинъ, легли,
 И такъ я съ первыхъ дней гонимъ ужъ спалъ судьбою
 Скибался по миру почти съ одной сумою;
 Супругу нѣжную я скоро потерялъ,
 Трудями горькими дѣтей лишь воспиталъ
 Но вдругъ — о Боже мой! лишился сей надежды
 Закрывши хладныя рукой своею имъ вѣжди.
 Не зналъ я никогда опрады здѣсь себѣ,
 Тоска и горести удѣломъ были мнѣ,
 Надежда лишь меня несчастнаго питала
 Но и она меня лишь только обольщала;
 Не зналъ я никогда ближайшихъ въ жизни сей,
 Не зналъ я ни родныхъ, не зналъ я ни друзей,

Которыебъ меня въ несчастьяхъ ушибали
И слезы горькія мои бы отирали. —
Вотъ въ мірѣ семь какой въ награду тѣмъ удѣлъ,
Кто въ мысляхъ никогда зла ближнимъ не имѣлъ,
Кто неуклонно шель правдивыми спезями,
Кто не былъ омоченъ сиротъ и вдовъ слезами,
Кто былъ отъ чуждаго стяжанія далекъ
И кто дѣлилъ другимъ послѣдній свой кусокъ!
Но что я говорю о старецъ злополучный!
Ктожъ въ мірѣ могъ имѣть удѣлъ въ награду лучшій,
Кто въ мірѣ семь щасливъ и истинно блаженъ,
И кто здѣсь навсегда отъ скорбей удаленъ? —
Тотъ веселъ кажется — и кажется доволенъ,
Но духомъ никогда до гроба неспокоенъ
Тотъ кажется щасливъ — въ чужихъ глазахъ богаты,
Но внутренно душой, желалъ бы міръ пожрать;
Тотъ кажется великъ — народомъ управляетъ,
Но въ сердцѣ небомъ онъ располагать желаетъ;
Предъ прочими другой чesтями весь покрытъ,
Но онъ желалъ бы самъ себя боготворить;
Тотъ знаменъ храбростью побѣдами прославленъ,
Но кажется ему что всѣми онъ оставленъ;
Дарами и умомъ иной извѣстенъ сталъ,
Но всей вселенной лавръ ему въ награду малъ;
Ни кто судьбой своей въ семь мірѣ недоволенъ
Такъ кто же здѣсь щасливъ и истинно спокоенъ? —
Чье сердце вѣрою къ Создателю горитъ,
Кто истинну ея и свястость оной чтитъ,
За дверьми гроба тотъ награды ожидаетъ;
Порочной никогда спокоенъ не бываетъ:
Желаній алчность всѣхъ какъ червь его грызетъ,
И зависти въ немъ змѣй изъ сердца кровь сосетъ,
Унынїе души, тоска его снѣдаетъ
Отчаянье и страхъ какъ вранъ его шерзаетъ. —

И такъ я согрѣшилъ о Небо! предъ тобой,
Что называлъ удѣлъ злощаснымъ въ мѣрѣ своей:
Завидовалъ я тѣмъ, которые спрадаютъ
И тайно горькія здѣсь слёзы проливають.
Благодарю Тебя что не былъ я злодѣй,
Хоть цѣлу жизнь свою нещаснѣя имѣлъ!
Какое отъ Тебя понёсъ я искушенье
О Боже! ктожь постигъ Твое опредѣленье? —
Всесильный — въ чудесахъ Ты мѣръ сей основалъ,
Живущимъ смертнымъ въ нёмъ всѣмъ страсти съ
жизнью даль,
Мудрѣйшимъ ты открылъ сего всю плѣнность мѣра;
Но кто не обожалъ шоліаго кумира? —
Предъ гробомъ поздно я узналъ тѣ суеты,
Волненія людей, и всѣ людей мечты,
Которыя всегда здѣсь нами управляютъ,
Терзають, мучатъ насъ, и часто погубляютъ:
Страсть пылка въ юношѣ воспламеняетъ кровь,
Онъ рвется — силится — владѣетъ имъ любовь,
Владѣетъ ревность имъ, и духъ его колеблетъ,
Не видишь онъ преграду — онъ въ мысляхъ все объ-
емлетъ,
Вдается въ роскоши, и ищетъ онъ забавъ
Прельщающихъ его, не зрѣтъ въ сласяхъ оправъ,
Онъ чувствами водимъ, бѣжитъ за обольщеньемъ
Наружный ловитъ блескъ съ кипящимъ сердца
рвеньемъ;
Распутство мало онъ считаетъ за порокъ.
Къ гибели влечетъ его страстей пошокъ,
Нерѣдко онъ пришедъ въ послѣднее истощенье
Приемлетъ иногда болѣзней всѣхъ мученье
И преждевременно спарфется, дрожитъ,
Веселье отъ него и все уже бѣжитъ —

Съ унылою душой и съ впалыми глазами,
 Съ ослабшимъ тѣломъ всею и съ блѣдными щеками;
 Остатокъ дней своихъ какъ тягость онъ несетъ,
 И тѣнь одну его смерть къ гробу ужъ ведетъ.
 Но если человѣкъ избѣгнуть то успѣетъ,
 И въ юности своей духъ бодрой возымѣетъ;
 То въ мужествѣ ему нещастья предстоятъ
 Которы вѣщею погибелью грозятъ:
 Бѣжитъ онъ за честию и жаждетъ громкой славы,
 Б. гатства ищетъ онъ и знатности опоры;
 Духъ мучимый его снѣдается тоской,
 Горитъ какъ пламенемъ, и зависти рукой
 Терзаемъ каждую минушу онъ бываетъ;
 Потомъ всѣ сильныя вдругъ страсти въ немъ раж-
 даетъ,

Которыя его какъ плѣнника гнетутъ,
 И часто наконецъ къ потибели влекутъ;
 Коварство, злоба въ немъ родившися шаятся,
 Преграды разорвавъ на ближняго спрематся,
 Убивство яростно — ужаснѣйшее зло,
 Бываютъ слѣдствіемъ опчаянья его;
 Ни что не исцѣлитъ въ немъ страсти злобной боли;
 Ни что не укротитъ его ужъ звѣрской воли,
 Приятность видитъ онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ:
 Опчаянье и вопль — дымящаясь кровь и страхъ,
 И слезы ближняго его не возмущаютъ,
 Но сердце лютое лишь больше въ немъ питаютъ.
 Такъ страсти зрѣлая безъ внутреннихъ преградъ
 Въ сердца невинныя вливаютъ смертной ядъ,
 И въ человѣкѣ всѣхъ пороковъ семя сѣя
 Раждаютъ изъ него чудовище, злодѣя. —
 А естли человѣкъ путь мужества свершитъ
 И свойственныхъ ему всѣхъ бѣдствій избѣжитъ,

То въ старости ему готовятся болѣзни,
Которы для людей никакъ здѣсь не избѣжны;
Разслабленной старикъ и тѣломъ и душой
Не знаетъ наконецъ, какой ему покой
Въ лѣтахъ сихъ могъ бы быть хоть малымъ облег-
ченьемъ,

И мрачныхъ дней его минутнымъ развлеченьемъ;
Погаснешъ въ немъ тогда все пламя тѣхъ страстей,
Которы въ юности и въ мужествѣ людей
Къ пустымъ мечтамъ всегда волнуя воспаляютъ,
И крашкіе ихъ дни ко гробу приближаютъ.
Вспоминаетъ онъ протекшія лѣта,
Но сердце хладное его уже тогда
Отъ грустной сей мечты лишь больше въ немъ хла-
дѣетъ,

И слабо дѣйствіе всѣхъ чувствъ его нѣмѣетъ.
Раскаянне души грудь немощну тѣснитъ,
Воскресша совѣсть въ немъ до гроба ужъ не спитъ:
Онъ жалуясь тогда на жизнь свою младую,
Подобно какъ и я несчастный здѣсь тоскую,
Кленетъ лѣта свои и дѣйствіе страстей,
Кленетъ свой слабой духъ и суетность людей,
Кленетъ онъ въ мірѣ все, чѣмъ прежде былъ прель-
щенъ,

Унынїемъ тоской и скорбью удрученъ.
Онъ въ сердцѣ будучи и день и ночь терзаемъ,
Болѣзнями души и тѣла изнуряемъ,
Не терпитъ ничего могущаго ему
Напомнать тогда протекшихъ лѣтъ весну,
Не терпитъ онъ людей, не терпитъ уже свѣта,
И въ позды, пятосны для человека лѣта
Минутнаго души покою онъ лишень,
Какъ пепель будучи огнемъ страстей сожженъ;

И наконецъ рука неумолимой смерти
Сирадальца бѣднаго влачитъ уже полмертва,
Влачитъ медлительно, предъ свой свинцовой шронъ,
Бросая на пути, чтобъ слышать тяжкой стонъ.
Такъ всѣ проводятъ дни на свѣтѣ брэнна вѣка!
Ахъ естли въ мѣрѣ тварь бѣднѣе человека!
Рождается въ слезахъ — въ несчастіяхъ живётъ
Старѣется въ поскѣ — съ мученьемъ въ гробъ идётъ. —
Однако просидѣлъ я долго на могилѣ:
Ужъ солнце тѣни съ горъ простерло по долину,
Настигнетъ скоро ночь — и кажешся гроза,
И даромъ молнія мелькнула мнѣ въ глаза.
И вѣтеръ началъ дуть — кусты ужъ засвистѣли
Съ пшцы въ темный боръ къ ночлегу улетѣли.
Ийду скорѣй домой — о Боже! какъ я старъ —
И два ужъ съ костылёмъ несчастной съ мѣста всталъ;
Ийду и отдохну — какъ старику пріятно
Поставивъ хижину ишли въ нее обратно!
И что то значить жизнь и чувства всѣ тѣлесны!
И скороль буду жить въ обители небесной! —

Х. Заговоръ противъ Кесаря.

(Переводъ съ Нѣмецкаго изъ Лессинга).

Студента Петрова.

Кассій.

Друзья! намъ смерть одна защиту обѣщаетъ
Отъ тяжкихъ гордаго властителя оковъ. —
Когда отечество Тираннъ порабощаетъ
Кто умереть изъ насъ, Герои! не готовъ?

Децимъ.

На смерть пошелъ бы я, о жизни не стесая,
Когда бы смертію могъ вредъ врагу нанести;
Смерть славно лишь вкусить отечество спасая;
Безъ пользы умереть мнѣ запрещаетъ честь.

Кассій.

О Брутъ! жестокою печалью удрученный
Объ общемъ бѣдствіи ты сѣнуешь въ сей часъ.
Еще лишь день одинъ — и Цесарь дерзновенный
Возложишь рабства цѣпь поносную на насъ.

Брутъ.

Коль вольность Римскую Тираннъ порабощаетъ
Я Брутъ — и Кесаря достойно накажу;
Онъ сердце Брутово со ужасомъ познаетъ:
Хоть съ трепетомъ — кинжаль въ злодѣйску гру-
вонжу.

Кассій.

Ты, другу швоему, о Брушъ! свободы мститель;
Коль Брушъ еще есть Брушъ, то торжествуешь Римъ:
Ужъ былъ онъ нѣкогда отечества спаситель,
Ступай и покажи, въ тебѣ мы Брушаль зримъ?

Къ клавикорду.

Его же переводъ съ Нѣмецкаго изъ Вейсса.

Клавикордъ, товарищъ милый!
Какъ швой звукъ прияшенъ мнѣ;
Издаешь ты звонъ унылый,
Буде я на единѣ
Сидя за тобой вздыхаю;
Ты звучишь какъ я желаю.

* * *

Весель я — и раздается
Сладкой пѣсни легкой строй;
Сердце туюю гнетется
Ты печалишься со мной.
Къ Богуль въ пѣсняхъ возвышаюсь,
Я тобою возбуждаюсь.

* * *

Слабо сердце! не прельщайся
Счастья ложнаго мечтой,
Въ удовольствіяхъ сравнийся
Звонкихъ струнъ сихъ съ чистотой.
Чтобъ вся жизнь такъ протекала
И гармоніей звучала.

XI. Италія и Римъ.

(Подражаніе Сенъ-Виктору.)

Студента Бѣлозерскаго.

О край прекраснѣйшій, Сатурнова земля!
Виргилій гдѣ воспѣлъ цвѣтущія поля
И бранны подвиги Героя знамениша;
Гдѣ видѣлъ древній міръ и Августа и Тиша;
Гдѣ въ восхищеніи безсмертный Рафаель
Надъ живописною картиною сидѣлъ!
Ты всегда была жилищемъ громкой славы,
Побѣды дивныя считала за забавы;
Въ тебѣ съ искусствами науки процвѣли,
И радость и восторгъ въ сердца людей лили...
Италія — земля! скажи, кто безъ почтенья,
Безъ пренесша въ груди, безъ сильнаго волненья,
Скажи, кто могъ вступитъ непренесной ногой
Въ край удивленія — въ предѣлы чудесный швой!...
Какія прелести! богатые предметы!
Какой чудесностью мѣста сіи одѣты! —
Здѣсь гробы, храмы тамъ, спашуй здѣсь цѣлый рядъ,
И, мнишь, живы всѣ, ихъ блещетъ грозно взглядъ...
Вездѣ вѣкъ Цезаря и Медициса славный! — —
Римъ! ты предметъ моихъ восторговъ и желаній —
И наконецъ тебя — священный въ мірѣ градъ —
Пустыни дикія и гробы облежатъ;
Въ смущенье странника приводитъ видъ швой томный.
Царемъ былъ городовъ, величествомъ огромный —

И гдѣ теперѣ твоей блескъ? — Подъ мрачнымъ сво-
домъ симъ

Молчанье возсѣдѣть: уныніе предъ нимъ. . .

Но портики сѣи, но храмъ здѣсь вознесенной,
Для удивленія останутся вселенной.

Добычи зрѣлися полсвѣта въ храмъ семь;

Изъ сихъ врагъ грозно шли въ величїи своемъ

Тѣ легїоны, что вселенну колебали.

Вотъ Капитолїя, которой трепетали

Народы, царства всѣ: отсюда гордый Римъ,

Подобясь богамъ, ничѣмъ неколебимъ

Мешалъ перуны въ даль; цари здѣсь покоренны

Съ попеленной главой, унылые, смиренны,

Поверженны у врагъ Сената безъ честей,

Страшились въ трепетѣ объ участи своей.

Вотъ площадь, гдѣ народъ въ торжественныхъ со-
браньяхъ —

Сей вѣтрѣнный народъ и чудный въ начертаньяхъ,

Который гордость въ прахъ съ престоловъ низлагалъ,

А самъ подъ бременемъ у гордецовъ стеналъ —

Онъ собирался здѣсь, онъ здѣсь судилъ виновныхъ

И лаврами вѣнчалъ подвижниковъ достойныхъ.

Вотъ грозны воины — вотъ Марсовы сыны —

Которы будучи защитою страны

Совѣтовъ были честъ — и землю удобряли,

Вступали въ бой съ врагомъ — и царства покоряли! —

Но можноль въ точности изобразить сей Римъ,

Который ужасомъ былъ въ древни вѣки чшимъ?

Римъ! смертные тебѣ должны лишь удивляться

И въ добродѣтеляхъ сынамъ своимъ равняться.

Подражаніе Горацию.

Nullus argento color est, avaris,

Книга II ода 2.

Его же.

На что стараться всей душою
Сребро и злато собирать . . .

На шоль, мой другъ, чтобы порою
Ихъ въ жадну землю закопашъ?

Не лучшело, спрасити укрощая,
Безвѣстнымъ. но полезнымъ, жить,
Чѣмъ мыслить, алчностью пылая,
Испанью съ Ливьей соединить? (*)

Чѣмъ болѣ воду испиваешь

Болѣзнию страждущъ водяной,

Тѣмъ болѣ ядъ въ себѣ питаешь

И мучится болѣзною той:

Такъ страсть къ богатству непомѣрна

Увидя множество препонъ,

Доспичь спремится мѣшъ вѣрно,

Съ какихъ бы ни было сторонъ.

Нѣтъ пользы въ золотѣ сокрытомъ . . .

И подлинно лишь шоль щастливъ,

Кто въ удовольствіи откритомъ

Не скупъ, однакожь бережливъ.

(*) Т. е. имѣть въ своемъ владѣніи Африку и Испанію; ибо въ сихъ областяхъ были у Римлянъ богатѣйшія владѣнія.

Любовью брагскою склоненный
Дѣлилъ все братьямъ Прокулей, (*)
И вѣтхой старостью согбенный,
Былъ щасливъ онъ въ семьѣ своей;

Его почтенное названье
Въ примѣръ осталось временамъ,
И какъ безцѣнное спяжанье
Со славой предалось и намъ.

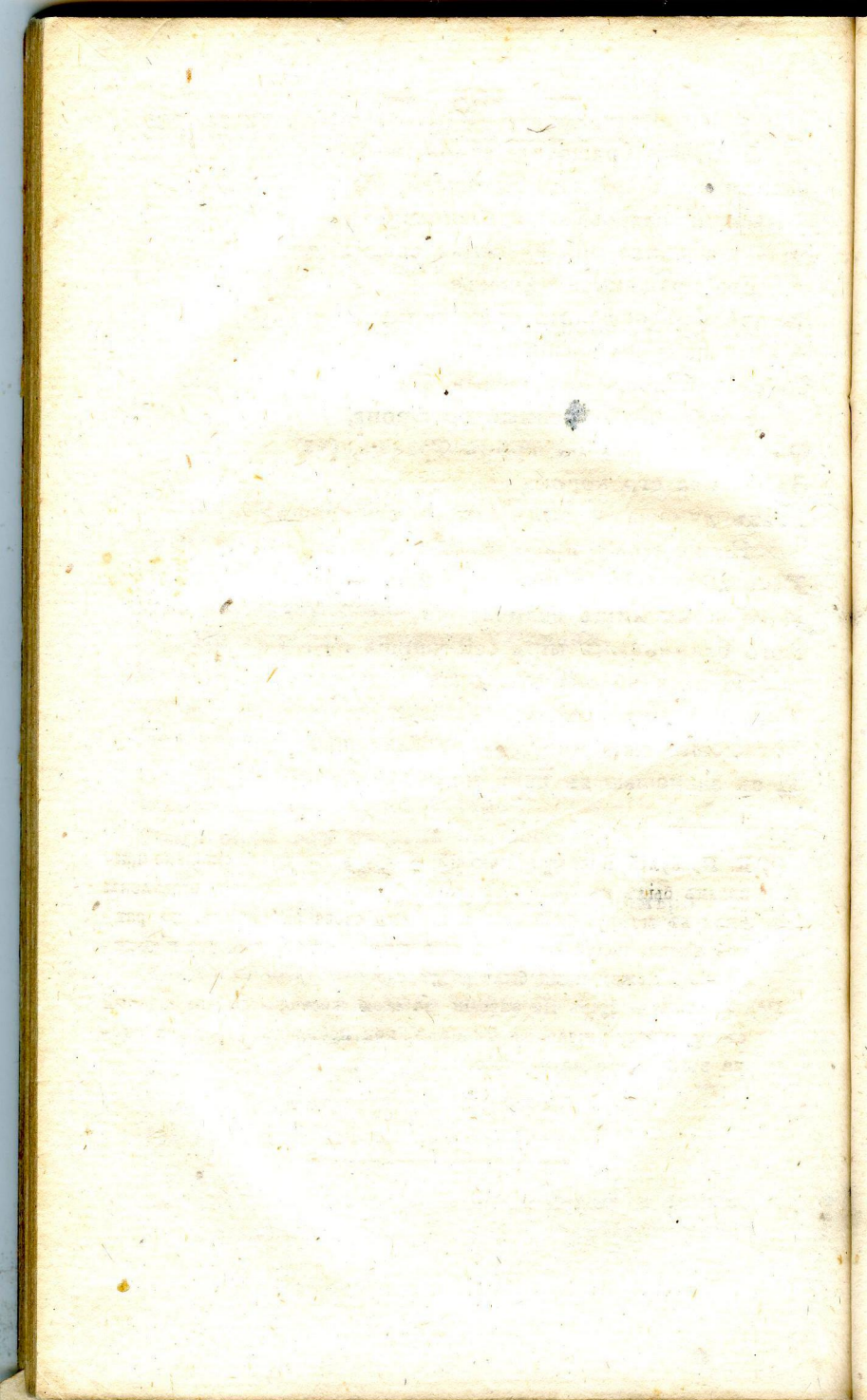
Когда, низверженный со прона,
Опять всходилъ на тронъ Фраашъ, (**)
Заставила его корона
Всѣхъ думать — онъ блаженъ стократъ!

Но не тому щасливымъ зваться —
Такъ добродѣтель намъ гласитъ —
И не тому лишь величаться,
Кого блаженнымъ мѣръ сей чинитъ . . .

И ласкаво она вѣнчаетъ
Того златымъ своимъ вѣнкомъ,
Богатствъ кто многихъ не алкаетъ,
И съ зависью въ вѣкъ не знакомъ.

(*) К. Прокулей Кавалеръ Римскій — другъ Августа, столько привязанъ былъ къ братьямъ своимъ, что когда они ограблены были въ междусобной войнѣ, то онъ снова раздѣлилъ, по равной части, полученное имъ отъ општа имѣнїе, которое и прежде нѣго между ними было раздѣлено.

(**) Фраашъ — Царь Палеянский за свою жестокость сверженный съ престола, ушелъ къ Скивамъ, кои побѣдивъ Теридана снова возвели его на царство.

Р Ъ Ч Ъ,

говоренная

при

Публичномъ Собраніи въ Екатерино-
дарскомъ Уѣздномъ училищѣ

Смотрителемъ онаго Войсковымъ Прespo-
іереемъ

Кирилломъ Россинскимъ.

1816 года Іюня 30 дня.

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

Р Б Ч Ъ

О томъ, что уменьшеніе въ семъ училищѣ учащихся есть главная причина препятствующая преимущественнымъ успѣхамъ.

Уже десятое лѣто учрежденію сего училища. Чрезъ шолікое время купецъ въ своемъ промыслѣ могъ учинить великій переворотъ, и сдѣлать не малое приращеніе въ своемъ шоргѣ; земледѣлецъ получить время удобрить нивы своя; художникъ много усовершить рукодѣліе свое; учащійся приобрести довольныя познанія: слѣдовательно сіе училище должно бы принести значительные успѣхи. — Такъ! — Но чѣмъ мы похвалимся? — — —

Съ начала заведенія разсадника сего много было живыхъ розгъ, жагдавшихъ развиваться и общававшихъ достойные плоды; но ошъ времени до времени число оныхъ начало умяляться: вертоградъ огражденъ, но внутри не много имѣеть деревь прозябающихъ, благоухающихъ и общавающихъ плоды; есть воздѣлатели, но розгъ къ разведенію и удобренію недоспашочно; есть учителя, но мало учащихся: съ приумноженіемъ предметовъ умялялось и умяляется число учениковъ. Какихъ же далѣе ожидать успѣховъ? —

Не щеславіе какое либо, не корыстолюбіе, не ласкашельство; но любовь къ наукамъ, ревность къ распространенію нужнаго въ семъ краѣ просвѣщенія, усердіе мое къ сословію сего войска и вообще ко всѣмъ обитателямъ спраны сея, благонамѣреннаго

Христіанства именемъ украшающимся, заохотили меня принять на себя должность при семъ училищѣ.

По сему долгомъ моимъ нахожу предложить предъ вами П! П! съ позволенія вашего, о томъ, что уменьшеніе въ семъ училищѣ учащихся есть главная причина препятствующая преимущественнымъ успѣхамъ.

Умный человекъ до шѣхъ поръ почитается въ своемъ кругѣ превосходнѣйшимъ, пока другой не явится превосходнѣе его; два же равные едва могутъ быть вмѣстѣ: одинъ предъ другимъ въ томъ же, или разныхъ предметахъ, имѣетъ естественное побужденіе казаться превосходнѣйшимъ.

Человекъ, живущій въ удаленіи отъ обществъ болѣе образованныхъ, блестящій своими дарованіями можетъ высоко о себѣ мыслить; и другіе не видѣвшіе подобныхъ ему могутъ быть предубѣждены о его превосходствѣ. Если появятся другіе преимущественнѣе его; тогда онъ остается меньше значущимъ, и удивлявшіеся ему обращаютъ вниманіе къ превосходнѣйшему. При темнотѣ ночи и сіяніе звѣздъ занимательно; при полнотѣ же луны звѣзды меньше сіяютъ; а при появленіи солнца и луна не блещетъ, и звѣзды невидны. Кто же доволенъ будетъ блескомъ свѣчи въ полдень? не посрамится ли самолюбіе предубѣжденнаго о своихъ дарованіяхъ, когда появятся со стороны даровитѣе его?

По сравненію различается свѣтлое отъ темнаго, бѣлое отъ чернаго, мягкое отъ твердаго, теплое отъ холоднаго, вѣжливость отъ нелюдкости, искусство отъ неопытности, ученіе отъ невѣжества. Но сіе сравненіе тамъ болѣе быть можетъ, гдѣ много есть подобныхъ предметовъ; и чѣмъ болѣе окажется преимущественнѣйшихъ. Съ кѣмъ же и ка-

кое сравненіе можно сдѣлать шамъ, гдѣ мало, или вовсе нѣтъ подобныхъ? Сила силою познается; умъ умомъ изощряется; знаніе знаніемъ испытывается. Гдѣ нѣтъ соревнованія, шамъ нѣтъ и успѣха. Какоежъ шамъ соревнованіе, гдѣ млодоумный ученикъ, не встрѣчая препятствій въ своихъ предубѣжденіяхъ, не только не старается соревновать успѣхамъ другаго; но еще — имѣя въ виду другое для себя приманчивое прибѣжище, ласкающее его и свободою и вольномысліемъ и преимуществами — и другаго въ разсѣяность приводитъ: самъ не учится и другому примѣромъ нерадѣнія служить? и какія шамъ могутъ быть успѣхи?

Непросвѣщенный человѣкъ склоненъ съ перваго раза вѣрить тому, что его отъ труднаго мышленія освобождаетъ; въ немъ болѣе охоты къ тому, что его чувствамъ льститъ. Не всегда ли мы при вольныхъ трудахъ избираемъ для себя то, что кажется для насъ легче? Не тѣмъ ли болѣе любимъ заниматься, что кажется для насъ приятнѣйшимъ? всякая трудность, всякое напряженіе ума нашего и тѣлесныхъ силъ, намъ неприятны. — Ученіе сопряжено съ трудностію: оно требуетъ напряженій ума и тѣла, и притомъ въ началѣ своемъ не имѣетъ приятностей; конецъ его отдаленъ; польза еще неощутительна; удовольствій мало. Умъ юныхъ любить разсѣваться: онъ всегда ищетъ новаго, любопытнѣйшаго, приятнѣйшаго; онъ болѣе тѣмъ поражается, что приятно его чувствамъ; то считаетъ полезнымъ, что согласно съ его склонностями; за тѣмъ гоняется, что обѣщаетъ ему видимую користь.

По сему юноша, слыша отъ предубѣжденныхъ въ недовѣрчивости къ новымъ правиламъ ученія: —

„что де въ старину не такъ учили, не столь многими занятіями упражняли и утомляли; но умы являлись, опытность дѣйствовала, достоинствъ и безграмотные достигали, преимущества и безъ дѣятельности не возбранялись; царства устроивались, грады созидались, общества единомышленствовали, воиновство укрѣплялось, храбрость, мужество и труды отличались, люди блаженствовали?„ — — — слыша, и не соображая, что сіе бывало въ такое время, и въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ лучиною пользуясь въ темнотѣ, рожцами пресыщаются во время глада, каплею воды изъ яминъ устужаются языкъ во дни зноя — плѣняетъ неопытный умъ свой, удаляется отъ трудности, освобождается отъ многихъ занятій и упражненій, восхищается вольнымъ слѣдомъ, стремится къ приятнѣйшему, исключаетъ себя изъ числа тѣхъ, кои вкушаютъ горькій корень ученія, чтобы послѣ довольствоваться сладкими его плодами.

Въ самомъ дѣлѣ ученіе сопряжено съ трудностію! множество предметовъ покажется съ перваго взгляда для неучившагося необъятнымъ; для учащагося труднымъ, безконечнымъ, ужаснымъ; а будучи оныя въ разсѣянности — одинъ отъ другаго какъ бы отдалены — кажутся бесполезны, ненужны. Такъ! они многоразличны; но систематическій ихъ порядокъ такъ расположенъ, что всѣ правила каждой науки въ непрерывной почти связи одни за другими слѣдуютъ, и истины послѣдующаго въ оныхъ всегда изъясняются, доказываются и утверждаются изъ предыдущаго.

По сему продолженію своему для непонимающихъ связи оныхъ кажутся мало приятны; безъ приспособленія къ дѣлу могутъ начинаться беспо-

лезны: для многихъ кажутся одна излишняя выдумка. Почему невѣдущимъ цѣны оныхъ невозбранно говоришь: „на что въ училищѣ и время терять и „издержки употреблять„? О! сколь сѣ удаляетъ отъ училища могущихъ учиться! сколь сѣ лишаетъ многихъ пользы! сколь многихъ сѣ оставляетъ слѣпоществовать на всю жизнь въ публичныхъ должностяхъ и частномъ общежитіи!

Предметы ученія сколь многоразличны, столь нужны всякому человѣку, а паче въ обществѣ живущему, на примѣръ: — позвольте П. П! хотя нѣкоторые, изъ преподаваемыхъ въ семъ училищѣ, изяснить въ кратцѣ — Ариѣметика (счисленіе), Математика, заставляешь навыкать вниманію; и по сей своей сущности, во всякомъ состояніи необходима. Не напрасно нѣкоторый древній Философъ на дверяхъ школы своей написалъ: кто не знаетъ Математики, тош да не входитъ къ нему для наученія мудрости; Физика открываетъ явленія природы, и освобождаетъ отъ пагубныхъ предрасудковъ; Исторія знакомитъ насъ съ естественными произведеніями, и прошедшее представляетъ какъ бы настоящимъ — для сравненія, и нашего благополучія; Логика учитъ здравому и безошибочному сужденію; Риторика правильному мыслей расположенію; Грамматика понятному оныхъ изображенію — Грамматика, которая всѣхъ наукъ начало и основаніе: „Тупа Ора-
„торія, косноязычна Поэзія, неосновательна Фило-
„софія, неприятна Исторія, сумнительна Юриспру-
„денція безъ Грамматики, изъ опыта сказали отецъ
„Россійской словесности—безсмертный Ломоносовъ„,
Кашихизисъ — Богословія, изясненіе закона Божія образуетъ нравственность: не тогда только нау-

часть человѣка познавать Бога, себя и ближняго, когда громъ грянетъ, когда постигнутъ нещастія; но изъ млада умудряетъ его во спасеніе, да совершенъ будетъ человѣкъ, на всякое благое дѣло уготованъ. (2. Тим. 3, 16, 17.) Вотъ польза науки! И такъ соображая оную не должно страшиться многоразличности учебныхъ предметовъ; тѣмъ болѣе, что и всѣ науки такою между собою соединены связью, что одна другой вспомошествоуетъ: кто знаетъ одну, тому лучше успѣтъ и въ другой, и такъ далѣе. Сія многоразличность еще удобо-понятнѣйшею и приятнѣйшею покажется, еслии изъясненіе ежедневнаго ученія усугубится повтореніемъ внѣ училища, еслии польза оныхъ внушится домашнимъ надзоромъ. Но не къ чести сего училища, къ осягощенію учащихся, и къ прискорбію учащихся сіе послѣднее средство еще не признано здѣсь необходимымъ — кажутся иждивительнымъ, излишнимъ, ненужнымъ.

Безъ сего надзора ученикъ, пропустивши одно правило безъ вниманія, затрудняется въ понятіи слѣдующаго; не понявши другаго претъе оставляетъ; оставивши претъе, отспашаетъ отъ своихъ соучениковъ съ нимъ вмѣстѣ проходящихъ по порядку ученіе; оставши прерываетъ оное; дѣлается хладенъ къ ученію, чувствуетъ омерзѣніе, и наконецъ отспашается вовсе безуспѣшенъ. Сіе безуспѣшіе примѣчая родители, не входя въ изысканіе причинъ онаго, приписываютъ или нерадѣнію учителей, или излишеству предметовъ, и отнимаютъ дѣтя отъ ученія порядкомъ заведеннаго, а лучше соглашаются поручить оное такому учителю, который — яко наемникъ — только что учить, а чему? самъ незнаетъ, и который подобенъ слѣпцу водящему слѣпца. . .

Но кто изъ родителей не чадолюбивъ? Еще не видано примѣровъ, чтобы отецъ далъ сыну камень, когда попросить хлѣба; или далъ змѣю, когда попросить рыбы. (Мат. 20; 9, 10.) Всякой родитель желаетъ дѣтямъ своимъ пользы а не вреда, щастія а не злополучія; всякой отецъ желаетъ видѣть сына своего совершеннѣйшимъ: ибо надѣется отъ него отплады и удовольствія, а не оскорбленія и печали. По симъ естественнымъ побужденіямъ обходится то, что для сына его кажется труднымъ, удаляетъ отъ него то, что ему неприятно; позволяетъ ему то, къ чему охотится; и самъ благоспѣшествуетъ и руководитъ его въ томъ, что скорѣе доставитъ ему мнимое удовольствіе: ученіе же въ училищѣ, яко много-образное, требующее трудовъ, времени и иждивенія, пренебрегаетъ. — Да и какая говоритъ необходимость напрасно иждиваться, терять время, и поминъ дитя многимъ ученіемъ, когда безъ онаго легко обойтись можно!!!

Многіе заключаютъ довольство познаній въ одномъ письмѣ и простомъ чтеніи, не заботясь о письмѣ правильномъ и о чтеніи съ понятіемъ; подвижны самолюбіемъ, и руководствуясь примѣрами подобныхъ себѣ, предоставляютъ то времени и опытности: вѣкъ де — говорятъ — великъ!!! Но неужели чрезъ цѣлый вѣкъ учишься тому, что въ юности знаешь должно? Будетъ ли время учишься тогда, когда должность къ трудамъ зовешь, силы отдохновенія требуютъ, обстоятельства медленія не терпятъ? Кто захочетъ тогда равняться съ дѣтьми? А укоризны образованнѣйшихъ, а стыдъ предъ младшими, приятно ли будетъ сносить имѣвшему случай тоже, или можешь быть еще больше и лучше, знаешь, но не

знающему? О какое тогда будетъ сожалѣнiе о невозвратной потерѣ юности!

Многiе не хотятъ сего предвидѣть; а потому, ежели и вводятъ дѣтей своихъ въ училище, то для одного только вида, или для препровожденiя не всѣмъ въ праздности нѣкоторыхъ лѣтъ, чрезъ которыя еще неспособны къ другому дѣлу: попекутся ли таковыя родители о домашнемъ надзорѣ? Сочтутъ ли за нужное помѣшить дѣтей своихъ многими занятiями? позволяютъ ли имъ кончить время положенное для ученiя? что же сказать уже объ успѣхахъ, о послѣдствiяхъ? —

Много здѣсь причиняють помѣшательства въ продолженiи надлежащимъ порядкомъ ученiя продолжительныя вѣнныя, непроходимыя болота, отдаленность частныхъ домовъ отъ училища; но оныя еще усугубляются, то непобужденiями учащихъ отъ своихъ, то невнушенiемъ имъ надлежащимъ образомъ пользы ученiя отъ родителей, то пожеланiями, то произвольными отвлеченiями оныхъ отъ ученiя въ учебное время, то безвременными удерживанiями оныхъ въ домахъ, а паче неупопребленiемъ домашняго надзора — надзора, безъ коего то, что пройдено учащимися безъ вниманiя, не повторится; что оставлено за нехожденiемъ въ классъ, нарочно — по причинѣ множества предметовъ и недостатка времени — ради одного вновь не изъяснится; — ибо извѣстно, что ученiе въ училищѣ преподается въ извѣстные дни и часы, а внѣ училища столько же или болѣе времени заниматься должно пройденнымъ; а если что изъ пройденнаго забыто, то кто напомнимъ, или возобновимъ? а то, что пропущено по законнымъ причинамъ или за болѣзнями, кто наградимъ?

Черезъ сѣе по ученіе для дѣтяти кажется труднымъ, тягостнымъ, неудобопонятнымъ, омерзительнымъ; а для родителей долгопродолжительнымъ, убыточнымъ, бесполезнымъ. — Не сѣи ли по обстоятельства заставляющъ дѣтей искать новыхъ, легчайшихъ, склонностямъ ихъ ласковыхъ занятій; а родителей удобнѣйшихъ случаевъ къ облегченію ихъ затрудненій, и своихъ попеченій? Не сѣи ли обстоятельства удаляютъ юношество отъ училища прежде времени, и убѣждаютъ прибѣгать къ тому пристанищу, гдѣ выгоднѣйшіе полезнѣйшіе и приятнѣйшіе — корыстоплюбіемъ прикровенные — представляются виды; гдѣ надежда ласкаетъ, и тоже корыстоплюбіе внушаетъ о скорѣйшемъ приближеніи къ степени возвышенія? Сѣи суть причины, препятствующія успѣхамъ въ семъ училищѣ. — Что же въ такихъ обстоятельствахъ противоположить можно? — Побужденія — скажутъ — и препятствія. — Такъ! — Но какія побужденія? — — — Похвалы и одобренія? Но похвалы мгновенны; одобренія часто могутъ быть принужденны. — Награды и преимущества? Но награды недостаточны и ненадежны, потому что они здѣсь внѣ училища не имѣютъ никакой цѣны (*); преимущества нелестны, потому, что они непродолжительны: въ другомъ мѣстѣ можно надѣяться безъ превосходства въ наукахъ гораздо большихъ — по другимъ видамъ. . . .

Наказанія и соревнованія? — Но наказанія негодятся: они болѣе охлаждають охоту къ благоуспѣшю и отвращають отъ ученія; соревнованіе въ

(*) По войску въ формуляръ не вносятся ученія, и по оному никому не дають никакого преимущества.

маломъ числѣ учащихся едва примѣтно, и не представляеть ощутительной пользы. — Последнее средство ко умноженію учащихся остается — препятствіе. Но отъ училища оное непосредственно не зависить; отъ училища не зависить, и отъ власти не предполагается; не предполагается и какъ бы снимается.

Да гдѣ же взять людей къ письменнымъ дѣламъ? — справедливо, что исправляющій одно дѣло скорѣе оное можетъ исполнить, нежели два, или многія вмѣстѣ: обучающійся одному предмету, скорѣе въ ономъ успѣть можетъ, нежели во многихъ. Но научившійся только читать—безъ понятій—можетъ ли разумѣть все чтимое? Научившійся только писать махinally, безъ правилъ, можетъ ли писать вскорѣ здраво и смысленно, и все нужное? Всѣ лѣта кнѣности безъ наукъ потерять должно на приобрѣтеніе познанія одного чтенія; но и тогда все ли понимать можно? — — — Сколько лѣтъ потребно на изученіе одному письму? Но скоро ли можно приобрѣсть навыкъ писать правильно и смысленно? — Тоже время и тоже иждивеніе потребно и для окончанія въ семъ училищѣ наукъ, какое для одного простаго чтенія и письма внѣ онаго; но кончившій порядочно ученіе вскорѣ можетъ поравняться съ неучившимся современникомъ, все напряженіе употребившимъ на приобрѣтеніе искусства въ одномъ письмѣ, и все знаніе свое въ томъ заключающимъ, — и скоро потомъ во всемъ преимуществовать будетъ. Одинъ знающій можетъ то успѣшнѣе дѣлать, надъ чѣмъ два или три малопонимающіе и затрудняющіеся въ разумѣніи заниматься должны. Что же для общества нужнѣе: одинъ ли навыкъ безправильный читать и писать,

или разумѣніе съ нужными свѣденіями? — — — Отвлеченіе молодыхъ людей отъ ученія въ училищѣ, и прислаивленіе къ одному только письму, не умноживъ нужныхъ, способныхъ и дѣльныхъ людей, но умаливъ; отъ сего выходитъ двойной ущербъ и невыгода: лишеніе юношества нужныхъ познаній, и недостатковъ свѣдущихъ людей для общественныхъ дѣлъ.

Пока самолюбіе будетъ имѣть свою силу; пока предубѣжденіе будетъ обладать умами; пока привязанность къ старымъ обычаямъ будетъ считаться за законъ: до тѣхъ поръ недостатковъ въ собственныхъ правовѣдцахъ будетъ пополняемъ посторонними; до тѣхъ поръ во множайшихъ случаяхъ нужда будетъ въ извиненіяхъ смиреніемъ, просипотю, невѣденіемъ; до тѣхъ поръ должно будетъ краснѣть, или равнодушно сносить порицанія отъ свѣта. Вотъ слѣдствія отъ умаленія, а не умноженія учащихся!

П. П. С! Не напрасно премудрость прозорливаго **МОНАРХА** нашего вездѣ въ любезномъ Отечествѣ нашемъ насадила верхограды наукъ. Съ распространеніемъ оныхъ распространяется любовь къ Просвѣщенію, яко Высочайшей власти; съ умноженіемъ оныхъ умножаются познанія Бога, себя и ближняго; съ утвержденіемъ оныхъ болѣе и болѣе утверждается народное благоденствіе. Во всякомъ сословіи для вѣрнаго служенія, для точнаго исполненія своихъ обязанностей, для общественнаго и собственнаго щастія, нужны свѣденія въ наукахъ. Кто же не захочетъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ руководимаго Богомъ Виновника распространенія просвѣщенія? Кто захочетъ Отечеству вмѣсто пользы наносить вредъ презрѣніемъ наукъ, и отвлеченіемъ отъ оныхъ юношей — юношей, отъ коихъ ожидаешь долѣ

жно усерднѣйшихъ воиновъ, мудрыхъ вождей, благо-
разумныхъ Судей, искусныхъ народоправителей; без-
корыстныхъ правотдцевъ, добрыхъ домостроителей,
благопопечительныхъ опцовъ, вѣрныхъ сыновъ Отече-
ства. Неужели мы одни — именемъ истинныхъ Хри-
стіанъ украшающіеся — мы одни захочемъ показы-
вать наружные только виды исполненія Высоко-
монаршей воли, устрояющей все къ нашему благо-
получію? Неужели напрасно будутъ издерживаться
Государственныя, общественныя и частныя пожер-
твованія? Не взыщеть ли за то правосудіе Божіе?

Старые, законѣлые обычаи, не всѣми одобряе-
мые, помрачаютъ честь и славу, которая могла бы
быть многимъ во удивленіе; недовѣрчивость къ пра-
виламъ воспитанія юношества, Препеждающею вла-
стію постановленнымъ, отдаляетъ общую пользу,
которая весьма далеко распространилась бы. — Ко-
го предубѣжденія и собственное самолюбіе содѣлали
когда щасливымъ? —

Съ приумноженіемъ учащихся возрастутъ зна-
нія, умножатся нужные члены общества, изтребят-
ся предразсудки, ощущатся общественныя пользы,
оправдятся Высокомонаршія намѣренія, просла-
вится Богъ, утвердится общее всѣхъ благоденствіе;
потомство же будетъ удивляться успѣху наукъ и
образованію нравственности, или, въ противномъ
случаѣ, съ огорченіемъ и смѣхотворною улыбкою бу-
детъ взирать на медленный ходъ оныхъ, и оуждать
законѣніе въ старыхъ обычаяхъ. —

Да не оскорбишь слухъ вашъ вѣрные сыны
Отечества, усерднѣйшіе друзья человѣчества! Есть-
ли бы я не былъ увѣренъ въ вашъ добромъ намѣ-
реніи содѣйствовать общему благу; ели бы я не

зналъ вашихъ благочестіемъ, страхомъ Божіимъ, и надеждою о праведномъ мздовоздаяніи исполненныхъ душъ; еслии бы я не испыталъ, что вы по ученію Апостола Павла не любите быть чѣшемы слухомъ (2. Тим. 4; 3, 4.); то ни справедливость, ни должность, ни другія какія либо виды не побудили бы меня говорить предъ вами такъ откровенно, но пребывать равнодушнымъ — молчать.

